

Г. А. АРБАТОВ

О Л. И. Брежнев

В оценке каждого деятеля можно контролировать эмоции, следовать фактам, соблюдать пропорции. Если говорить, в частности, о Брежнев, то негативная его оценка как лидера партии и страны безусловно оправдана. Но едва ли можно согласиться с попытками изобразить его чуть ли не такой же зловещей, как Сталин, фигурой в нашей истории (термин «сталинщина-брежневщина» между тем начинает входить в оборот в речах и в статьях). Истоки излишей эмоциональности, мне кажется, — в обиде на самих себя, в стыде за то, что мы хоть не верили, но послушно молчали и послушно аплодировали, когда этого очень маленького, к концу жизни впавшего в маразм человека на все лады хвалили, прославляли и награждали. Главной бедой в этот период, главным истоком явления, которое получило сейчас наименование «брежневщина», было, собственно, то, что Л. И. Брежнев ходом нашей истории, существовавшими в обществе политическими механизмами был поставлен на место, для которого не был годен, пытался — с согласия и, в общем, по воле других членов руководства — играть роль, которая была ему абсолютно не по силам, — роль лидера великой (одной из двух самых мощных и влиятельных в мире) державы, притом в очень сложное и ответственное время.

И самая поразительная и вместе с тем неприглядная гримаса истории состояла в том, что при всех его негативных качествах, в том числе в долгий период его угасания, в общем-то, маразма¹, у него не оказалось соперника, страна, партия, руководство не смогли выдвинуть никого лучшего.

Я уже высказывал свое мнение, что до болезни Брежнев был даже лучше других, точнее сказать, был «меньшим злом». Это не равноценно высокой оценке его личных качеств. Скорее оценка тягостных последствий сталинщины, закономерного состояния ве-

щей после деспотической диктатуры. Независимо от оценки предшествующих событий — разве ситуация так уж изменилась бы, если бы смена руководства произошла в результате аппаратной договоренности (или интриг), а не «дворцового переворота»? Выдвижение неадекватного общественным потребностям руководителя стало уже не результатом злой воли какого-то лица или группы лиц, а естественным продуктом действия сложившихся в годы тоталитаризма политических механизмов.

Конечно, и при них остается место для случая. И, в общем, вполне возможным, а если говорить о длительных, измеряющихся десятком и более лет отрезках истории — даже вероятным, остается появление неожиданных, выдвинувшихся, так сказать, «вопреки системе» личностей. Но это — случайность, на которую долго великая страна полагаться не может. И потому один из главных уроков 37 послесталинских лет состоит в следующем: необходимы слом старых и создание новых политических механизмов, нужны демократия, политическая культура и просвещенное общественное сознание. По моему глубокому убеждению, это и есть главная задача перестройки. От того, решим мы ее или нет и насколько хорошо решим, зависит будущее нашей державы. Зависит даже — надо смотреть правде в глаза, — будет ли у нее будущее. Равно как и у социализма.

Я бы рискнул провести здесь аналогию с более близкими мне внешнеполитическими делами. Если мы хотим исключить на будущее новые Афганистаны и Чехословакии, нам мало их задним числом осудить. Надо сломать социально-политические механизмы, которые делали их возможными. Это значит действительно искоренить все остатки и пережитки идей «экспорта» революции, своего революционного мессианства, равно как все остатки и пережитки имперского мышления. Это также значит создать новые, демократические механизмы выработки внешнеполитических решений, которые бы сводили к минимуму вероятность ошибок, особенно крупных, опасных ошибок. Это значит особенно осторожный подход к любым военным обязательствам, ибо, начинаясь обычно с вещей сравнительно невинных — продажи или поставок оружия, — они имеют тенденцию к эскалации: за оружием следуют технические специалисты, потом военные советники, потом их надо охранять и за их советы отвечать. И не успел оглянуться, как ты уже втянут в конфликт. Чтобы избежать таких ситуаций, нужны достаточно крупные изменения в системе и механизмах выработки и осуществления политики. То же самое относится к внутренним делам.

Но вернусь к Брежневу — добавлю к сказанному выше то, что видел и знал, что запомнилось.

Человек этот был типичен для верхушки тогдашней политической элиты. Начиная уже с того, что, имея формально диплом об окончании вуза, был малообразованным и даже не очень грамотным. Способностей он был средних, культуры низкой (если он что-то «для души» читал, то журналы вроде «Цирка», фильмы предпочитал смотреть о природе или животных, а также «Альманах кинопутешествий»); серьезные фильмы редко мог досмотреть до конца — одно из исключений, пожалуй, «Белорусский вокзал», который ему очень понравился, глубоко тронул; в театре, по-моему, вообще многие годы не бывал). Его самыми большими слабостями как руководителя государства были почти полное отсутствие экономических знаний, консерватизм, традиционность и прямо-таки аллергия на новое. Не хватало ему решительности, воли, что, правда, может быть, предохранило его от ряда ошибок, но в то же время питало застой.

Но это не значит, что у Брежнева не было сильных сторон; он был особенно искушен, даже изощрен, хитер и изобретателен в аппаратной борьбе. В общем, он сумел, пусть медленно, но не рискуя конфликтами и срывами, вытеснить, «выжать» из руководства всех своих соперников и недоброжелателей. И без кровавых репрессий, как Сталин, и даже публичного словесного уничтожения, как Хрущев, он обеспечил полное послушание, покорность и даже вселил страх в души своих соратников (его ведь действительно боялись, боялись и такие люди, как Андропов и Громыко, мне кажется, Сулов тоже, не говоря уж об остальных). Брежнев очень ловко манипулировал властью, удерживая каждого на том месте, на котором, по его мнению, тот или иной человек ему был удобен. Взять хотя бы институт «второго» секретаря ЦК КПСС, почти всегда неконституированный, но неизбежный из-за огромной власти Секретариата ЦК, а значит, и объема дел, подведомственных ему при существовавшем всеилии партийного аппарата. И очень неудобный для Генерального (или Первого) секретаря, поскольку «второй» имел большую притягательную силу для аппарата и членов ЦК, областных секретарей и т. д. по той простой причине, что он вел Секретариат, а им постоянно надо было решать повседневные большие и малые дела. Притягивая же руководящие кадры, неизбежно становился потенциальным источником соперничества или хотя бы человеком, с которым надо делить власть.

Хрущев после явно провалившихся экспериментов с Козловым и Кириченко установил порядок, при котором Секретариат по очереди вели секретари ЦК, члены Политбюро. Когда Хрущева освобождали, о введении официального поста второго секретаря ЦК заговорил на октябрьском Пленуме Н. Подгорный. Брежнев

этого, по-моему, ему не забыл и вскоре перевел его в Президиум Верховного Совета СССР, но тут же установил свой порядок. При нем постоянно были два человека, которые вели Секретариат либо, во всяком случае, претендовали на это. И соперничали не с Генеральным секретарем за власть, а друг с другом за право быть «более вторым», чем другой (напомню, вначале это были М. А. Суслов и А. Кириленко, потом, когда Кириленко заболел и фактически вышел из строя, на этот пост был продвинут К. У. Черненко, а когда умер Суслов, в ЦК тут же перевели на роль одного из вторых секретарей Ю. В. Андропова). Словом, в аппаратных играх, в аппаратной борьбе, то есть в тех реальностях власти и политики, которые тогда существовали, Брежнев отнюдь не был простаком. Наоборот, в делах и в среде, в которых он вырос, в этих политических шахматах он был настоящим гроссмейстером. Не все это сразу понимали, за что потом и расплачивались.

И еще одно. В вопросах власти он был большим реалистом, понимая реализм традиционно, в политических параметрах, сложившихся при Сталине. То есть тогда, когда власть лидера определялась не успехами экономики, уровнем благосостояния народа, популярностью политики руководства и благоприятным общественным мнением, а прежде всего силой, настоящей, грубой, физической силой.

Потому он очень заботился о том, чтобы сохранять контроль над армией и КГБ. И он его имел. Не только потому, что с 1967 года во главе КГБ был поставлен лояльный к нему Андропов, а министром обороны после смерти не очень надежного Гречко тоже стал «свой» человек — Д. Ф. Устинов. И там, и там он на разных уровнях имел и других «своих» людей, и руководители обоих ведомств об этом знали, каждодневно ощущали себя под контролем и потому были вдвойне лояльны.

Брежнев понимал и значение для власти средств массовой информации. Особенно главных из них — Гостелерадио и «Правды». И там, и там у руководства стояли люди, полностью ориентирующиеся лично на него.

Это, так сказать, сильные качества, важные для Брежнева самого. А были ли у него также положительные качества, существенные для общества? По моему убеждению, были, во всяком случае, в первые годы и, конечно, до того момента, как он заболел. Среди них я прежде всего назвал бы отсутствие склонности к экстремистским, авантюрным решениям. В его внешнеполитической деятельности это довольно быстро развилось в искреннюю поддержку политики смягчения международной напряженности, улучшения отношений с другими странами, ограничения вооружений.

Умеренность, отсутствие стремления к ужесточению политики, нелюбовь к острым политическим «блюдам» проявлялись у Брежнева и в подходе к внутренним делам. Притом в условиях, когда многих в руководстве тянуло к ужесточению, к возврату к старым методам. Он, конечно же, не дал этой тенденции решительного отпора. А нередко ей уступал, тем более что во многом разделял образ мысли своих коллег, но только лучше, чем они, осознавал свою ответственность, опасался запятнать свое имя, пойдя во всем у них на поводу. И все же, насколько я могу судить, он во многих случаях амортизировал этот натиск, давление справа. Эти положительные стороны деятельности Брежнева, конечно, не решали проблем страны, не могли даже остановить набиравшие силу негативные процессы. Но они все же предотвращали в течение ряда лет многие дополнительные неприятности, которые могли бы произойти при тогдашнем уровне руководителей и их политических настроениях.

Все дело, однако, было в том, что Брежнев оказался не «проходным», правившим короткое время лидером, а находился на высоком посту первого в стране человека целых 18 лет. Притом в период, когда задача не сводилась к тому, чтобы «не раскачивать» государственный корабль, когда нужно было в продолжение курса XX съезда КПСС осуществлять радикальные изменения во всех сферах жизни общества. На это Брежнев был органически неспособен, в чем вскоре пришлось убедиться и тем, кто под впечатлением реформы 1965 года все же на что-то надеялся.

Почему? Из-за тех своих слабостей, отрицательных черт, о которых говорилось выше. У него не было ни представления о тех глубоких переменах, в которых нуждается страна, ни умения, если бы ему даже кто-то план таких перемен предложил, в нем разобраться, верно его оценить и провести в жизнь. Это был лидер, смотривший назад, неспособный подняться над старым.

Теперь коротко о личных чертах Брежнева. И я бы начал с положительного, тем более что и он сам умел и любил показывать именно эти, хорошие свои стороны. В принципе (до болезни — я снова вынужден сделать эту оговорку) это был человек, не лишенный привлекательности, даже известного обаяния. Он не был жесток (хотя, по-моему, был достаточно злопамятен). В общении был прост, умел (и, по-моему, любил) проявить внимание к окружающим — во всяком случае, к тем, кого хотел склонить на свою сторону. Во многих делах (особенно связанных с войной и своими военными воспоминаниями) был даже сентиментален. Друзей старых, если они его не предавали, помнил, как правило, не оставлял без поддержки (в ИМЭМО работали его однополчане —

в отношении них он проявлял заботу). Не любил объясняться с людьми в случае конфликтов, вообще предпочитал избегать неприятных разговоров. Что, впрочем, оборачивалось нередко очень дурным образом: люди, которых незаслуженно очернили, оклеветали, даже не имели возможности защититься, а иногда просто не знали, за что вышли из доверия и попали в опалу.

Мог он иногда и удивить. Так, когда бывал в хорошем настроении, особенно во время застолья (он рюмки, пока был здоров, не чурался, хотя меру, по-моему, знал; впрочем, тогда ему уже было почти 60 лет, о том, что случалось в молодости, судить не берусь), вдруг начинал декламировать стихи. Знал наизусть, к моему удивлению, длинную поэму «Сакья Муни» Мережковского, а также немало стихов Есенина. Потом я узнал разгадку. В молодости Брежнев (об этом он как-то при мне сказал сам) мечтал стать актером, играл в «Синей блузе» — так называли коллективы самодеятельности, выступавшие в 20-х, а может, и в начале 30-х годов с революционным, ну а для того чтобы привлечь аудиторию — и с лирическим репертуаром в клубах, на предприятиях и в красных уголках. Известная склонность к игре, к актерству (наверное, было бы слишком назвать это артистичностью) в нем была. Я иногда замечал, как он «играл» роли (надо сказать, неплохо) во время встреч с иностранцами.

Но так же как в политике Брежнева, в его личных качествах были негативные, даже очень неприглядные черты. Многие из них связаны с тем, что сам он, его семья, его среда в очень большой мере воплощали, олицетворяли в себе мещанство, мещанский склад мысли, психологию и даже какие-то «нутряные инстинкты», то самое мещанство, которое так умно и беспощадно высмеяли в выдвигавшихся все больше на первый план «совслужащих», мелких и средних (но хотевших забраться повыше) руководителей и администраторов М. М. Зощенко, а затем И. Ильф и Е. Петров.

Была в нем развита подозрительность — может быть, и не природная, а воспитанная долголетней работой в аппарате, но заметная. Отсюда же, я думаю, стремление и умение использовать других людей в своих целях, в том числе для наиболее неприглядных дел.

Пока Л. И. Брежнев был здоров, его негативные качества — и политические, и личные — были не так заметны.

Дело радикальным образом изменилось, когда он заболел. Я уже говорил, что знал двух Брежневых: одного — до, а другого — после болезни. Не в том смысле, что один был хорошим, а другой — плохим. И до болезни Брежнев был, в общем-то, функционером, попавшим на должность лидера, человеком, наделенным всеми негативными чертами аппаратчика того времени, притом очень

умелого. Но вместе с тем он имел и качества, выгодно отличавшие его от большинства других: умение слушать, поначалу трезвое, непреувеличенное представление о своих возможностях, политическая осторожность и умеренность, склонность уходить от конфронтаций, искать, где можно, соглашения путем консенсуса. Как во внешней политике, так в какой-то мере и во внутренних делах.

Болезнь притушила, а потом во многом вытравила положительные черты и всемерно развила негативные. Хотя, конечно, и здесь речь шла о процессе: после первого заболевания он поправился, временами даже складывалось впечатление, что дело идет на лад. Но ухудшения учащались, а улучшения становились все более короткими.

И вот как раз в этих условиях отчасти, возможно, потому, что он утратил контроль над собой, перестал сдерживать те дурные, воспитанные всем деспотическим прошлым черты, на первый план вышли подозрительность и любовь к сплетням, поначалу, видимо, тщательно скрываемое, а потом расцветшее с помощью подхалимов пышным цветом, ставшее безграничным тщеславие, страстная потребность собой красоваться. К этому добавлялось глубоко сидевшее в нем, в семье, в близком окружении мещанство, стяжательство, а главное — очень невысокий уровень нравственной требовательности к себе (как, впрочем, и к окружающим). Все это принимало такие формы, что мне не раз приходило в голову: может быть, болезнь ускорила какой-то процесс распада личности этого человека. Может быть, это была именно такого рода разрушающая личность человека болезнь (как-то я под влиянием таких мыслей прочел обстоятельное описание «болезни Альцгеймера» и других старческих недугов)*.

Другие отрицательные личные черты Брежнева, к сожалению, имели общественные последствия.

Много толков и сплетен вызвал вопрос о приписанных Брежневу молвой материальных злоупотреблениях. Я не думаю, что есть основания, а тем более политический смысл затевать посмертно специальное расследование. Но поводы для толков и сплетен и сам Брежнев, и особенно члены его семьи, несомненно, давали.

Например, его любовь сесть за руль автомобиля была бы не таким уж предосудительным «хобби» (он, кстати, имел права

* Дело доходило до нелепого и смешного, когда этот вчера еще хлебосольный хозяин (тем более что «харчи» были казенные) вел себя как Плюшкин, бдительно следя, чтобы меню для работавшей над очередным заданием группы специалистов было предельно спартанским (суп, второе, кисель — давал он распоряжения неловко чувствовавшим себя администраторам).

водителя-профессионала), если бы он не выбирал самые роскошные заграничные марки — «роллс-ройсы», «мерседесы» и т. д. И не был бы столь неопределенным статус этих машин, составивших вскоре целый автомобильный парк: то ли они принадлежали ему и членам его семьи, то ли эти машины казенные и он просто садился время от времени за баранку. А также если бы Брежнев не давал зарубежной печати повода так широко обсуждать тему страсти советского лидера к роскошным автомобилям, говорить о том, что при встречах на высшем уровне он их одну за другой получает в подарок.

Стяжательство, наверное гнездившееся где-то глубоко в натуре Брежнева (не говоря уж о некоторых членах его семьи), стало в этот последний период его жизни проявляться в особенно неприглядных формах, притом часто на глазах самой широкой публики. Знаменитым перстнем с бриллиантами, подаренным ему в Баку Г. Алиевым², он открыто, забыв обо всем, любовался на глазах у миллионов советских телезрителей. Москвичи, а вслед за ними и жители других городов и регионов узнавали о дачах, которые строятся для сына и для дочки. Ну и, конечно, «царские охоты», о которых шло немало разговоров, так же как об «охотничьих домиках» (на деле больших домах, настоящих хоробах с зимним садом, бассейном и прочими атрибутами).

Много было фактов, а к ним добавлялось, естественно, еще больше вымыслов и домыслов, тоже подрывавших авторитет власти, авторитет руководства, авторитет партии. Тем более что повод для сплетен и домыслов ведь был. Все это было тем вреднее, что подавало дурной пример руководителям всех рангов, фактически утверждало вседозволенность.

И она достигла невиданных масштабов. Произвол обязательно связан со вседозволенностью. Наивно думать, что при «строгом начальстве» одно можно отделить от другого. И зря здесь ссылаются на времена Сталина, хотя тогда действительно все начальники смертельно боялись его, а он мог уничтожить, стереть в пыль просто из каприза или по самому неправдоподобному подозрению, а не то что из-за явного воровства и взяточничества. Во времена Хрущева правящая верхушка просто не успевала распоясаться — так быстро этих людей меняли.

Вседозволенность и отсюда особо благоприятные возможности для коррупции больших и маленьких начальников просто заложены в генетическом коде любой системы произвола. В этом смысле и сам застой, и все сопутствующие ему явления — это логическое завершение, бесславный апофеоз сталинского тоталитаризма. Единственное, что мог в это привнести от себя

Брежнев, — это очень уж видный всем, беззастенчивый «личный пример» и не знавшие границ либерализм и попустительство в отношении особенно близких к нему людей — Щелокова и Медунова, Рашидова, Алиева и Кунаева.

Ну а если все дозволялось не только самому главному, но и целой группе окружавших его, узаконивались роскошные дома приемов и «охотничьи домики», дорогие подарки и всевозможные услуги тех, кто ведал дефицитом, такая система стремительно распространялась вглубь и вширь — на республики и их руководителей, затем на области и города, в чем-то на районы, а также на предприятия и хозяйства. Границы между дозволенным своим и недозволенным чужим стирались.

Ответственная должность превращалась нечестными людьми в кормушку, все дурное, что было в Москве, тут же дублировалось в провинции (и спецлечение, и специальные жилые дома, и столовые — все вплоть до пресловутой «сотой секции» ГУМа, торговавшей импортным и отечественным дефицитом).

Позволю себе в этой связи несколько отвлечься. К политическому произволу, всевластию и бесконтрольности начальства поразившую нас, как тяжкая болезнь, коррупцию, материальные злоупотребления, хищения и взятки все же, наверное, сводить нельзя. Мне кажется, эта болезнь точно так же заложена и в «генетическом коде» административно-командной системы хозяйствования, берущей свои начала в «военном коммунизме».

Даже сейчас, в годы перестройки, в дискуссии о путях экономической реформы и рынке делаются попытки связать все проявления коррупции с капитализмом — либо его пережитками, либо его подпольными формами, гнездившимися в «теневой экономике», либо с самими рыночными отношениями. На деле это не так. Хотя капитализм не дает гарантии от коррупции и «беловоротничковой преступности», не спасает от многочисленных скандалов, он все же не связан так органически с коррупцией, как административно-командная система. Система, где, с одной стороны, все является «общим», а значит, «ничьим» и снизу доверху рождается соблазн что-то от этого «общего» себе присвоить. А с другой стороны, создается огромный (во многом паразитический) аппарат, который «дает» или «отбирает», «разрешает» или «запрещает», всем распоряжается, может каждого выбросить с работы, понизить, часто даже бросить в тюрьму или, наоборот, возвысить.

Отсюда следует вывод: как ни важно усиливать борьбу правоохранительных органов и общественности против коррупции, без ликвидации административно-командной системы настоящего успеха такая борьба никогда не принесет.

Я не берусь оценивать материальные издержки всей этой усилившейся в годы застоя и далеко еще не изжитой и сейчас практики — они, наверное, достаточно велики. Но еще более тягостными были моральные издержки: углублявшееся расслоение общества, рост озлобления постоянно сталкивавшегося с трудностями большинства против «избранных», тех, кто пользовался благами и привилегиями, обладая и привилегией безнаказанно присваивать себе незаработанное. Закладывались мины социальных конфликтов, падения авторитета партии, правительства, всего руководства, а также — в виде естественной реакции — правого и левого популизма.

Во всех неблагоприятных делах, которые удобряли почву для массового недовольства, немалую роль, как уже отмечалось, играла семья Брежнева. Конечно, трудно спорить с аргументом, что это не снимает ответственности с него самого — ведь он не только терпел, но, может быть, и поощрял дурные нравы членов семьи, прежде всего детей. Наверное, это так. Но я не хочу искать виноватых, а просто констатирую факт: от семьи, от многочисленных родственников, а также от близких к ним людей, тянувшихся за Брежневым шлейфом с Украины, Молдавии и других мест его прежней работы, шло что-то дурное, растлевающее, усугублявшее многие его личные слабости и недостатки.

Кое-чего он не мог не видеть. Рассказывали, например, что он не раз с горечью жаловался и на поведение дочери, и на сильно, запойно пившего сына (а вообще старался минимум времени проводить дома). Но это не мешало ему покрывать скандальное поведение дочери, и, конечно же, без его ведома и согласия ее последний муж — Чурбанов — просто не мог бы сделать такую головокружительную карьеру. В считанные годы стал генерал-лейтенантом, из заурядного милицейского политработника — первым заместителем министра внутренних дел, был избран в высшие партийные органы, получал награды, машины, дачи. То же самое относится и к сыну, который был выдвинут в первые заместители министра внешней торговли. И в состоянии тяжкого похмелья, надев, чтобы не было видно опухших глаз, темные очки, не раз вел ответственные торговые переговоры (правда, им, как рассказывали, постоянно руководила одна из его сотрудниц, кстати, по слухам, более или менее сносно разбиравшаяся в делах).

И, конечно же, нельзя снимать с Брежнева вину за то, что его слабостью, проявлявшейся в содействии блестящим карьерам своих детей, этим «чадолюбием» за счет государства, ловко пользовался карьерист Щелоков, а также, увы, несомненно заслуженный человек, в прошлом крупный партийный работник

Н. В. Патоличев, который таким путем, наверное, пытался подольше остаться в министрах, хотя был стар, немощен, серьезно болен, просто «не тянул».

Детьми дело не ограничивалось. Заместителем министра стал брат Брежнева, страдавший тем же пороком, что и сын. Не были обделены и дальние родственники, и родственники родственников, и их друзья.

Дело не ограничивалось и семьей. Как часто бывает, хорошая черта — доброе отношение к товарищам, их поддержка — переросла в черту плохую и очень опасную — покровительство старым друзьям. В какой-то мере это было, конечно, частью той ловкой кадровой политики, о которой уже говорилось: он хотел и умел расставлять на ключевых постах «своих» людей, пусть совершенно бездарных, но преданных ему. Потом, насколько можно судить, к этому добавилось просто слабоволие перед напором, натиском рвавшихся к власти родственников, приятелей и знакомых. А Брежнев сознательно или интуитивно опасался свежих, сильных и ярких личностей, предпочитал людей серых, посредственных. И часто крайне сомнительных с точки зрения их моральных качеств.

Одним из таких людей был Щелоков. Брежнев отлично понимал, где находятся рычаги власти, и потому поспешил назначить «своего» человека на пост министра внутренних дел. А знал он Щелокова давно и был, видимо, уверен в его преданности. О его качествах, о том, что это был не только серый, ничтожный, но и аморальный, даже готовый на преступления человек, сегодня говорить, наверное, нет нужды. Как и о том, что под его руководством коррупция в одном из главных правоохранительных органов государства — МВД — достигла широчайших масштабов. О преследованиях и самоубийствах честных работников МВД, равно как о присвоении ценностей и хищениях, писалось много, так что я останавливаться на этом не хочу. Упомяну только об амбициях этого человека, о которых слышал от некоторых секретарей ЦК, работников аппарата и от Андропова.

Дело в том, что Щелоков, видимо, ощущал, что зарвался, и выход видел только в том, чтобы, как человек на тонком льду, быстрее бежать вперед, забраться так высоко, чтобы обеспечить себе неприкосновенность и при Брежнев, и по возможности после него. Его мечтой было стать председателем КГБ и членом Политбюро. Не знаю, может быть, на каком-то этапе болезни Брежнев и уступил бы неистовому давлению своего старого приятеля. Но от такой перспективы приходило в ужас большинство тогдашних членов руководства. Мне несколько раз приходилось слышать, в частности, от Андропова о том, что он договаривался с Пельше и Сусловым,

чтобы вместе или каждый по отдельности со всей решительностью поставить перед Брежневым вопрос о Щелокове, о том, что его надо одернуть, остановить его карьеру, а лучше всего — снять. Знаю, что этот вопрос перед Брежневым ставили (правда, не уверен, что достаточно решительно). Но каждый раз дело кончалось ничем. Единственное, что, может быть, удалось, так это остановить бег Щелокова вперед (хотя, собственно, и того, чего он достиг, было более чем достаточно: генерал армии, член ЦК, Герой Социалистического Труда и даже доктор экономических наук).

Щелоков был, конечно, фигурой одиозной, едва ли кого-то можно ставить с ним на одну доску. Но плохих «своих» людей у Брежнева было немало, и он постарался расставить их на многих ключевых постах. Брежнев считал, например, необходимым иметь несколько лично преданных, действительно доверенных лиц в Комитете госбезопасности. И держал их там на высоких постах заместителей председателя (Андропову он хотя и доверял, но тем не менее считал необходимым «проверять» — это был все-таки не полностью «его» человек, не такой, которого он поднял «из грязи в князи»). Я говорю о Цвигуне и Циневе. Оба также были щедро наделены наградами и званиями, обоих честные люди не любили и боялись. Один из них покончил с собой³ еще при жизни Брежнева. Это самоубийство в ходивших тогда разговорах и публикациях западной печати связывали каким-то образом с делами, разворачивавшимися вокруг дочери Генерального секретаря, но я судить об этом не берусь. Что касается Цинева, то он еще несколько лет после смерти Брежнева оставался на своем посту, а потом ушел в почетную отставку.

Самым вредным, просто чудовищным для страны было, по моему глубокому убеждению, назначение Н. А. Тихонова — малограмотного, бездарного человека (тоже из старых приятелей Брежнева) — на ответственный пост Председателя Совета Министров страны. Вклад в экономический упадок нашего государства этот человек внес немалый.

Много ставленников Брежнева было и на других высоких постах — заместителей Председателя Совета Министров, ответственных деятелей Вооруженных Сил, министров (один из них — печально знаменитый министр водного хозяйства и мелиорации Васильев).

Не могу не сказать коротко и о принявшем в ходе болезни Брежнева чудовищные размеры, но, видимо, заложенном в его характере изначально тщеславию. Самое нелепое его проявление — это страсть к наградам. Меня поражало, как этот человек, отлично знавший всю наградную «кухню», сам награждавший

множество людей, мог придавать орденам и медалям такое большое значение. Оно было похоже на памятное с войны страстное желание молодых офицеров заслужить награду, вернуться домой «и с грудью в крестах, и с головой на плечах». Может быть, и у Брежнева что-то осталось от тех эмоций. Но это стало почти что помешательством: он забылся, перестал понимать, что награждает себя сам, а подхалимы ему только подают все новые идеи, делая на этом карьеру. Он любил не только получать награды, но и носить их. В этом, по-моему, уже проявлялись наряду с тщеславием патология, болезнь, распад личности, который становился все более очевидным в конце 70-х — начале 80-х годов.

К этому же разряду дел относится и эпопея с писательскими «подвигами» Брежнева. Не знаю точно, кто был ее инициатором, но большую роль сыграли и немало от этого для себя получили Черненко и, как говорили, Устинов и Замятин.

Брежнев был неплохой рассказчик, у него до болезни была хорошая память, и он любил делиться подчас остроумными, точно схваченными историями и сценками из своего прошлого — молодости, фронтовых лет, секретарства в Запорожье, работы в Казахстане и Молдавии и т. д. При этом часто повторялся, но слушавшие вежливо не подавали виду, смеялись, выражали одобрение. А подхалимы не раз подсказывали ему идею все это описать (имея, конечно, в виду, что писать будет не он — он вообще никогда не писал, — а продиктует, чтобы потом кто-то привел все в божеский вид). Но до поры до времени эти идеи воспринимались как дурная шутка. Пока не стали в конце концов дурной реальностью. Была собрана небольшая группа грамотных, обладающих литературным дарованием людей, в их распоряжение предоставили документы и продиктованные стенографистке «байки» самого Брежнева, его рассказы. Ну и, конечно, они получили возможность обстоятельно поговорить с очевидцами тех или иных событий, чтобы включить в повествование и их воспоминания. Весь проект хранился в глубочайшей тайне — я узнал о нем случайно, за пару недель до публикации первой повести в «Новом мире».

Вот так появились на свет ставшие печально знаменитыми «Малая земля», «Целина», «Возрождение».

Скажу честно, по тем временам появление книги, написанной за лидера другими, само по себе не было необычным делом, исключая разве что жанр — в «изящной словесности» другие лидеры до этого себя не испытывали.

Но самое чудовищное было даже не это, а то, что началось после публикации повестей. Они были встречены оглушительным воплем хорошо организованного восторга. Соответствующие

номера «Нового мира», а потом книги становились чуть ли не обязательным чтением в сети партпросвещения. Союз писателей тут же выдвинул повести на Ленинскую премию, которая поспешно была присуждена. И немалое число именитых писателей — я их ни критиковать, ни оправдывать не хочу, нередко им это сделать предлагали, а отказываться люди боялись, помнили, что не раз это вело к опале, — опубликовали на эти сделанные посторонней (хотя подчас умелой) рукой поделки восторженные рецензии. Притом именно как на произведения литературы. Хотя, наверное, абсолютно все в нашем огромном государстве, включая самых глупых и неискушенных, были уверены, что ни одна страница в этих шедеврах «изящной словесности» лично Брежневым написана не была.

Сама по себе эта литературная эпопея в сравнении с другими огромными расходами на прихоти начальства стоила, наверное, не так уж дорого. Но, мне кажется, моральный урон общественному сознанию и общественной нравственности был нанесен огромный: всенародно разыгрывался постыдный спектакль, в который не верили ни актеры (кроме, пожалуй, исполнителя «главной роли» — «автора»), ни зрители. И это добавило изрядную дозу недоверия к власти, усиливая политическую апатию и цинизм, которые так разъедали сознание и душу людей. В символическом смысле это была как бы эпитафия очень печальному, много стоившему нам отрезку нашей истории — застою в самом подлинном смысле этого слова, апогей которого я бы датировал 1975–1982 годами.

Закljučая свои воспоминания о Брежневе, хотел бы подвести некий баланс.

Первое. В период общего отката демократической, прогрессивной волны, поднятой XX и XXII съездами партии, это был отнюдь не худший из возможных тогда лидеров. Во всяком случае, пока его не сразили болезнь и старость.

Второе. Брежнев нагляднее, чем это могли бы сделать сотни политологов и публицистов, показал своим поведением, всем, что при нем происходило в стране, даже своим обликом, особенно в последние годы, насколько немощны, негодны вся политическая система, политические механизмы, выращенные в стране в результате сталинщины. Негодны независимо от политических вкусов того, кто их оценивает, — просто из-за неспособности оградить общество от таких неприятностей, как болезнь и полная неспособность лидера руководить страной, вообще обеспечить нормальное управление обществом.

И третье. Я и, думаю, многие другие, во всяком случае, до середины 1982 года не ждали, что процесс упадка страны и партии, так

очевидно обнаружившийся в годы застоя, может быть остановлен. Возвращаюсь к тому, о чем уже говорил: может быть, нам еще повезло. И Горбачев, и даже Андропов появились скорее вопреки, а не благодаря утвердившейся тогда политической системе. Хотя нельзя не видеть, что, какой бы политическая надстройка ни была, общественные потребности все же проявляются, пробивают себе дорогу. Не хочу только, чтобы это понималось как «фаталистический оптимизм». Я также верю и в дурные случайности и отнюдь не считаю, что мы уже вышли из зоны опасностей, включая самые серьезные.

